

национные слова Моцарта: «Гений и злодейство // Две вещи несовместные»), а повторение не может быть простым воспроизведением, «реприза — это воскрешение!»¹³ — пишет Г. Гачев на языке музыкальном.

Однако нельзя забывать, что миф, оживший в условиях другого времени, не может не быть трансформирован в соответствии с новыми условиями своего существования. И Requiem — не просто музыка, но произведение, полностью принадлежащее не языческой, но христианской эпохе, находящееся, по словам М. Новиковой, «на рубеже культуры и культа»¹⁴. Глубина здесь сопряжена с высотой, имманентное — с трансцендентным, таинство материи — с таинством духа. Звучащий в финале Реквием способен разорвать индивидуальное сознание Сальери, оставить его в «глубокой задумчивости»: «Ужель он прав?» Трагедия, «не кончаясь, медленно струясь, вытекает в бытие»¹⁵.

Примечания:

1. Беляк Н. В., Виролайнен М. Н. «Моцарт и Сальери»: структура и сюжет // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. 1840-е-1990-е гг. — М., 1997. — С. 839.
2. Косталевская М. Дуэт — диада — дуэль («Моцарт и Сальери») // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. — М., 1997. — С. 808-809.
3. Вайман С. Драматический диалог // Вайман С. Неевклидова поэтика. — М., 2001. — С. 320.
4. Гоч В. П. Введение во время. — М., 2002. — С. 30.
5. Новикова М. Вещь зеркало // Пушкин в XX веке. I. — М., 1995. — С. 188.
6. Гачев Г. Д. Музыка и световая цивилизация. — М., 1999. — С. 53.
7. Там же.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. — СПб., 1993. — С. 184.
9. Косталевская М. Указ. соч. — С. 808.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — С. 297.
11. Беляк Н. В., Виролайнен М. Н. Указ. соч. — С. 839.
12. Иванов Вяч. Существо трагедии // Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. — СПб., 1994. — С. 299.
13. Гачев Г. Д. Указ. соч. — С. 27.
14. Новикова М. Указ. соч. — С. 217.
15. Непомнящий В. Из заметок составителя // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. — М., 1997. — С. 912.

© Панова Е. П.

г. Волгоград

ПОВЕСТЬ А. С. ПУШКИНА «КИРДЖАЛИ» В СВЕТЕ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Образ разбойника много раз привлекал внимание А. С. Пушкина. Это и Разин — в «Песнях о Степане Разине», это и «Братья разбойники» и гайдук Хризич и другие сербские гайдуки в «Песнях западных славян» и так далее. Предметом нашего исследования является проза Пушкина, потому в центре внимания прозаические произведения: «Дубровский», «Кирджали» и «Капитанская дочка», где главным действующим лицом является разбойник. Известно, что произведения, перечисленные выше, создавались на основе преданий, исторических песен, легенд (А. И. Яцимирский, Т. М. Акимова, А. Д. Соймонов).

Разбойничий фольклор создан по определенному канону, строится по извест-

ной канве, изучению которой посвящены труды таких ученых, как Н. А. Криничной, В. К. Соколовой, К. В. Чистова. Рассмотрим использование Пушкиным некоторых особенностей жанра народных преданий о разбойниках. Мотивы (функции) преданий и легенд, выстраивающиеся в устойчивую схему, легко воспроизводятся в сюжетной ткани прозаических произведений А. С. Пушкина.

Н. А. Криничная в книге «Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры» приходит к выводу, что жанр предания можно, подобно сказке, разложить на функции (согласно терминологии В. Я. Проппа) или на мотивы. Исследователь, опираясь на учение В. Я. Проппа («Морфология сказки»), приходит к выводу, что в преданиях, как и в сказках, меняются персонажи, объект, время, место действия. Неизменным остается лишь само действие героя (функция). Н. А. Криничная, развивая и углубляя идею ученого, делает попытку разложить мотив на составляющие его элементы: «Субъект — центральный персонаж; объект, на который направлено действие; само действие (чаще это функция героя) или состояние; обстоятельства действия, определяющие локально-временные рамки предания, а также обозначающие способ действия» [5: 18]. Но далее точка зрения Н. А. Криничной начинает расходиться с позицией В. Я. Проппа. Она, подобно Е. М. Мелетинскому, приходит к выводу, что «ядром мотива является действие — предикат [...] Следовательно, при выявлении мотивов в системе народной исторической прозы мы должны сохранять приоритет за действием» [там же: 19]. То, что В. Я. Пропп называет функциями действующих лиц, Н. А. Криничная именует мотивами. Тем самым оба понятия в ее работе становятся синонимичными. Мы в своей работе будем использовать термин В. Я. Проппа, считая, что функция все же является структурообразующим элементом мотива, поэтому оба эти понятия нуждаются в разграничении.

Остановимся на том факте, что «разбойничьи предания неоднородны, в них отразились напластования разного времени и противоречивое отношение к разбойникам как к грабителям, оцениваемым отрицательно, и как к идеализированным разбойникам, изображаемым борцами за социальную справедливость и защитниками угнетенных» [8: 143]. Итак, «предания о разбойниках сводятся к двум типам. Сущность каждого из них определяется характером центральных персонажей, соответствующей комбинацией мотивов (функций), которые, наполняясь реалиями, приобретают различную социальную окраску» [5: 171]. В фольклоре выделяется два типа разбойников: «благородные» (борцы за социальную справедливость) и «собственно разбойники» (те, кто не выбирает средств и способов в борьбе).

С позиций народного православия оба типа оцениваются как носители темного, демонического начала. В народе считалось, что разбойник связан с силами зла [2]. Подобное осмысление разбойника связано с тем, что он постоянно переступает нравственные законы, выработанные христианской аксиологией (не кради, не убивай, не веди разгульный образ жизни и т. д.). Тем самым герой отделяется от Бога, погружаясь в бездну небытия.

С эпохой романтизма намечается бурный интерес к прошлому родной земли, к народным приметам, поверьям, песням, сказкам, точнее, наблюдается всеобщее увлечение национальным фольклором. Но в литературной традиции эпохи романтизма образ разбойника переосмысливается в соответствии с идейно-художественными целями и задачами, которые преследовали писатели-романтики. Разбойники в романтической традиции, ставшие жертвой несправедливого и несовершен-

ного общества, не ограничиваются в своем отчуждении хандрой и недовольством и становятся на путь богоборчества. Они противопоставляют себя миру, разочаровавшись в его идеалах, но не остаются пассивными созерцателями, а становятся на путь активного протеста, и борьбы с несовершенствами мира.

Пушкинский разбойник сформировался под влиянием как фольклорной, так и литературной традиции эпохи романтизма — Байрона («Корсар», «Абидосская невеста»), Скотта («Роб Рой», «Айвенго», «Пуритане», «Ламмермурская невеста», «Эдинбургская темница» и др), Шиллера и Нодье. Столкновение этих двух систем рождает свое собственное авторское осознание и принятие мира, в котором живет и действует современный Пушкину человек. Благодаря использованию автором фольклорного материала герой крепче связывался с реальной действительностью. Теперь универсальные начала человеческой реальности обнаруживаются в недрах «обыкновенной» жизни с ее бытом и «прозаической действительностью, которая несет людям и суровые испытания, и неоценимые блага. При этом подлинный реализм не только не исключает, но напротив, предполагает интерес писателей к постановке и обсуждению нравственно-философских и религиозных проблем.

Среди произведений Пушкина особое место занимает повесть «Кирджали», напечатанная в 1834 г. в «Библиотеке для чтения». Эта повесть, или очерк, основана на подлинном историческом событии, свидетелем которого был сам Пушкин в 1821 г. во время пребывания в Бессарабии. Это история болгарина Георгия Кирджали — участника восстания этеристов, арестованного русскими властями в Кишиневе и выданного туркам [См. 9: 86].

Исследователями повести А. С. Пушкина «Кирджали» установлено, что повесть основана как на исторических фактах, так и на устных рассказах очевидцев (Г. А. Гуковский, Г. П. Макогоненко, П. Дебрецени). Фольклорные источники «Кирджали», в частности, использование Пушкиным в романе жанровых особенностей народных преданий о «собственно разбойниках», помогают раскрыть характер персонажа в новом, неожиданном для 30-х годов свете. Еще Г. П. Макогоненко отметил: «Кирджали Пушкин не идеализирует. Созданием этого образа Пушкин преодолел романтическую традицию» [6: 271]. Образ Кирджали, воссозданный в соответствии с народными представлениями о «собственно разбойниках», переносится из романтического в реалистический план именно благодаря широкому использованию писателем фольклора. Индивидуалистические формы борьбы с несовершенным миром заменяются воссозданием на страницах повести образа обычного бандита. Но преданиям, благодаря народной фантазии, также свойственна некоторая идеализация главного героя, что часто нарушает историческую достоверность, уступая место вымыслу. Возможно, поэтому местами Пушкиным намеренно осуществляются отступления от фольклорной традиции, чтобы максимально объективировать повествование, приблизив его к исторической правде, тем самым окончательно лишая своего героя какой бы то ни было идеализации.

Добавим, что в метафизическом плане с позиций народного православия разбойник оценивается как носитель темного, демонического начала, потому что контактирует с силами зла [См. 2: 90]. Подобное осмысление разбойника связано с тем, что он постоянно преступает нравственные законы («не грабительствуй», «не убивай» [Левит, гл. 19, ст. 13], не предавайтесь «пьянству и пированиям» [Римлянам, гл. 13, ст. 13], дабы «не развратились и не сделали себе изваяний» [Второзаконие, гл. 4, ст. 16].

Тем самым герой отдаляется от Бога, погружаясь в бездну небытия.

Проследим, как композиция неоконченной повести «Кирджали» соотносится со структурой жанра предания о разбойниках. Герой повести последовательно воплощает ряд функций «собственно разбойников». Обнаружение соотношения повести с жанром предания на композиционно-структурном уровне помогает осмыслить образ Кирджали и идейно-смысловую сторону произведения в новом, неожиданном ключе.

Основной особенностью жанра преданий о разбойниках является то, что предметом изображения становятся события государственного значения, предельно достоверные и оставившие заметный след в жизни местного населения [См. 8: 252]. В центре изображения повести «Кирджали» лежит «действительное явление общественной жизни», описаны «острые эпизоды большой исторической драмы», что сближает повесть с жанром предания. В основе развивающегося конфликта Пушкин изображает «борьбу двух национальных сил, борьбу Турции и греков» [3: 378, 383].

Точная локализация в преданиях усиливает их историчность. Географически точно указывается город или место, где идет битва, а также река, возле которой совершается действие рассказа [См. 8: 253]. Главным действующим лицом в предании становятся действительно существовавшие в истории личности — Пугачев, Разин, Кудеяр, Яношик и т. д. Точность и определенность описания реалий в повести соответствует жанровым особенностям преданий: так, река, возле которой происходят события повести, называется Прут. Город, где разбойничает и сражается герой, — Яссы. Кишинев — место, где скрываются разбойники. Пушкин сделал главным героем своей повести реально существовавшего в истории болгарина Григория Кирджали. Таким образом, функция «местопребывания» реализуется в повести «Кирджали», придавая достоверность и историчность всему повествованию.

Описание физических данных героя исполнено в соответствии с фольклорной традицией. Разбойники преданий наделялись необыкновенным ростом, силой, превосходящей обычные, разумные пределы [См. 5: 174]. Пушкин описывает Кирджали как молодого человека «высокого росту, широкоплечего, и вообще в нем изображалась необыкновенная физическая сила». Имя Кирджали переводится как «удалец», что тоже сродни разбойничьим преданиям, где героя часто величают «удальцом», «добрым молодцем». «Необыкновенная физическая сила» героя несколько превышает обычные параметры, но не выходит за пределы возможного. Эта деталь несколько идеализирует облик Кирджали в соответствии с народными представлениями о разбойниках.

Рассмотрим более подробно, как герой повести последовательно воплощает ряд функций «собственно разбойника». Разбой Кирджали не мотивирован никакими социально-историческими причинами, он беспощадно грабит и убивает во имя обогащения и удовлетворения своих кровожадных помыслов. Например, Кирджали вместе с арнаут Михайлаки зажгли селение «с двух концов и стали переходить из хижины в хижину. Кирджали резал, а Михайлаки нес добычу» [8, ч. 1, 255]. Пушкин подчеркивает, что Кирджали самореализуется в азартных набегах на болгарское селение, в безжалостной резне и бессовестном воровстве. Все это, с одной стороны, напоминает о таких лучших чертах разбойника, как смелость, удаль, сила и отвага героя. С другой — обличает в нем безжалостного, кровожадного и жестокого, совершенно безнравственного и духовно неразвитого

человека, чье сознание поглощено миром тьмы. То есть лучшие черты Кирджали направлены не на благородное дело, а на разрушение. Разбойник ничего не созидает и не творит добрых дел, он лишь несет зло, смерть и хаос.

«Собственно разбойники», как отмечает Криничная, в преданиях часто раскаивались в своих аморальных действиях и начинали вести праведный образ жизни. Иногда разбойники заслуживают прощение, совершив какой-либо подвиг либо оказав государству важную услугу [См. 5: 185]. Они, например, могут проявить героизм в каком-либо сражении и, следовательно, будут ответно прощены правительством. Кирджали в повести действует аналогичным способом, активизируя функцию «раскаяния». Герой принял участие в грандиозном сражении между турками и греками под руководством Александра Ипсиланти. Правда, им двигали не патриотические порывы, в войне Кирджали видел свой корыстный расчет, который может заинтересовать только «собственно разбойника»: ему представился случай «обогатиться за счет турков, а может быть и молдаван» [8, ч. 1, 255]. Однако в борьбе с врагами он и его товарищи проявляют стойкость, отвагу и героизм: отряд отличился, хотя и остался без предводителя, а многие его сподвижники пали смертью храбрых на поле брани (например, Сафианос и Кантагони). После окончательной победы турков Кирджали нашел убежище на русской земле. Там он и его сподвижники вели «праздную жизнь, но не беспутную [...]». Никто на них не жаловался. Нельзя было подумать, что эти мирные бедняки были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали, и чтоб он сам находился между ними» [там же: 257]. Соответственно разбойник, согласно народным преданиям, покался перед государством, приняв участие в историческом сражении, а также, забросив разбой и начав вести праведный образ жизни, — перед людьми и перед Богом.

Функция «преследования разбойника властью имущими» возникает на страницах повести. Однако герой не получает прощения, что заметно нарушает жанровые особенности предания. Согласно народным представлениям, правительство прощало раскаявшегося разбойника, даруя ему жизнь и свободу. В повести правительство поступает наоборот: оно не пожелало понять и оценить благородные порывы Кирджали, который, с тех пор как перешел за Прут, «не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана», мало того — жил подаянием [там же: 257]. Власть имущие не приняли во внимание ни добрых дел, совершенных разбойником, ни его желания встать на путь исправления и покаяния, таким образом, праведный образ жизни героя на русской земле никак не был воспринят и оценен властями: «Начальство, не обязанное смотреть на разбойников с их романтической стороны и убежденное в справедливости требования, повелело отправить Кирджали в Яссы» [там же: 257]. Таким образом, вся ситуация в повести разрешается совершенно противоположным образом по сравнению с преданиями о разбойниках. Подобное отступление от фольклорной традиции помогает Пушкину, во-первых, следовать исторической правде, а не народной фантазии, так как именно в России Кирджали в 1823 г. был арестован властями и передан туркам. Во-вторых, автор стремится представить историю разбойника Кирджали объективно, в соответствии с правдой жизни, диктующей свои законы и порядки. В-третьих, обличает бездушие и черствость «власть имущих», не внявших нравственной стороне создавшейся ситуации и подошедших к разрешению вопроса с формальной стороны.

Для нераскаявшегося разбойника в предании трагический конец обязателен:

героя приговаривают к смертной казни или к ссылке. Подобные факты нашли свое отражение в повести: «Кирджали, привезенный в Яссы, представлен был паше, который присудил его быть посажену на кол. Казнь отсрочил до какого-то праздника. Покамест заключили его в тюрьму» [8, ч. 1, 259]. Таким образом, функция «расправы над разбойником» находит свое воплощение в сюжете повести, демонстрируя безжалостность правительства, нежелание вникать в тонкости личной судьбы каждого отдельного человека. Власть карает слепо и жестоко, так как ей нет дела до глубинных нравственных изменений, происходящих внутри каждого отдельного человека, в частности — разбойника Кирджали. Власть имущие осуждают героя на смерть в соответствии со своими понятиями о справедливом суде: герой наказывается за прошлые свои преступления. Покаяние (участие в войне с турками) и духовное возрождение (Кирджали оставил разбойничий промысел и долгое время жил подавлянием) не учитываются преследователями. Таким образом в творчестве Пушкина намечается та идея, которая найдет свое полное воплощение в «Капитанской дочке»: жестокость, равнодушие и мстительность присущи обоим лагерям, как разбойничьему, так и правительственному. В «Кирджали» никто из героев не смог приподняться над «суею сует» в область, где царят истинная свобода, правда, милосердие и любовь.

Функция «кладоискательства» [См. 8: 209] помогает автору раскрыть внутренний мир персонажей (охранников и Кирджали), хотя и несколько переосмысливается писателем в соответствии идейно-художественными задачами. Пушкинский герой действует согласно народным представлениям о разбойниках и кладах с той лишь разницей, что клада на самом деле не существует. Кирджали клад не зарывал, он использует в своих целях веру людей в то, что разбойники зарывают клад, чтобы освободиться из тюремного заключения: «Братья, — продолжал Кирджали, — три года тому назад, как я разбойничал с покойным Михайлаки, мы зарыли в степи недалеко от Ясс котел с гальбинами. Видно ни мне, ни ему не владеть этим кладом. Так и быть: возьмите его себе и разделите полюбовно» [8, ч. 1, 259]. Заметим, что клад, чаще всего, зарывается близ сосны или камня [См. 5: 111]. Кирджали также указывает на местонахождение выдуманного им клада недалеко от камня: «Наконец Кирджали остановился у большого камня, отметил двадцать шагов на полдень, топнул и сказал: здесь» [8, ч. 1, 259].

Связь золота с нечистой силой «объясняет специфические поверья относительно кладов и вообще религиозно-магический характер кладоискательства как общение с потусторонним миром», с миром тьмы [11: 64]. Поэтому в народе клад часто «осмысливается как средство именно бесовских козней», направленных на разжигание алчности [5: 116]. Используя данные верования в свою пользу, Кирджали выдумывает легенду, чтобы разжечь в турках чувство алчности, притупить их бдительность, а также приобщиться к силам зла. Герой в эпизоде выступает как демон-искуситель, пробуждая одно из самых низших качеств человеческой натуры — жадность: «Турки чуть с ума не сошли. Пошли толки, как им будет найти заветное место?» [8, ч. 1, 259]. С помощью хитрости и лжи Кирджали добивается своего: он убивает охранников и выходит на свободу. Итак, в повести турки стали жертвой не только обмана, но и своей собственной порочности.

В метафизическом плане соотнесенность Кирджали с кладом еще раз подчеркивает его связь с демоническими силами, с силами зла. Постоянно переступая нравственный закон, Кирджали все больше и больше ставит себя в зависимость от темных сил. Совершенная им попытка покаяния не была оценена правительством,

подвиг Кирджали остался забытым, — это толкнуло героя на еще более тяжкие и безрассудные преступления. Он снова возвращается на прежний путь воровства и убийства, только масштаб его деятельности значительно возрос. Он осмеливается теперь грозить не только деревням и селениям, но и самому государю: «Недавно писал он государю, требуя от него пяти тысяч левов, и грозясь, в случае неисправности в платеже, зажечь Яссы и добраться до самого государя. Пять тысяч левов были ему доставлены. Каков Кирджали?» [там же: 260].

В произведении власть держащие изображены в невыгодном свете: они проиграли смелому, мужественному и бесстрашному Кирджали. Сам же разбойник опозитизирован в соответствии с народными идеалами, выдвигающими на первый план отвагу, смекалку, силу, мужественность разбойника, но соединяющими данные свойства героя не с силами света, а с нечистой силой. Не случайно в преданиях о разбойниках находим сравнение главного героя с дьяволом: «Он по-нашему, как дьявол был» [7: № 72, 107]. А потому, попытка Н. Л. Степанова представить Кирджали как народного мстителя, борца за социальную справедливость и народные интересы [См. 9: 86] представляется нам необоснованной. Более близким к истине оказывается А. Н. Архангельский, утверждающий, что образом Кирджали Пушкин создает реалистический портрет обычного разбойника, способного на любые преступления [См. 1: 138].

Итак, мы рассмотрели совокупность определенных функций, заимствованных писателем из жанра предания о «собственно разбойниках». Функции, варьируясь в различных сочетаниях, составляют определенный круг действий Кирджали, что помогает писателю создать реалистичный облик болгарского разбойника. Функции, связанные с образом «собственно разбойника», образует некую модель, структуру, сформировавшуюся еще в архаическом фольклоре. Эта модель наполняется автором собственным содержанием, благодаря чему рождается новое художественное произведение.

Примечания:

1. Архангельский А. Н. Герои Пушкина. Очерки литературной характерологии. — М., 1989.
2. Афанасьев А. П. Дерево жизни: Избранные статьи. — М., 1982.
3. Гуковский Г. В. Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М., 1957.
4. Дебрецени П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. — СПб., 1995.
5. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. — Л., 1987.
6. Макагоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833-1836). — Л., 1982.
7. Народная проза. — М., 1992.
8. Соколова В. К. Русские исторические предания. — М., 1970.
9. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. — М., 1962.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. — Т. 8, кн. 1. — М., 1995.
11. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М., 1982.

© Приказчикова Е. Е.
г. Екатеринбург

ДУХОВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ДЕРЖАВИНА И ОДА «ХРИСТОС»

Духовная поэзия занимает исключительное место в жизни и творчестве Дер-